DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-108-114

Ю.Д. Шабуня (Новополоцк, Беларусь)

Образ дома в романе Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец»

Аннотация: Статья посвящена образу дома в романе английского писателя Ч.Р. Мэтьюрина (Charles Robert Maturin, 1780–1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820). Анализируются особенности пространственной структуры произведения. Выделяются черты готической традиции в описании готического строения. Отмечается влияние религиозной тематики, а также эстетических концепций на образ дома.

Ключевые слова: дом, образ, художественное пространство, готический роман, топос

Ju.D. Shabunya (Novopolotsk, Belarus)

The Image of the House in the Novel by C.R. Maturin “Melmoth the Wanderer”

Abstract: The article deals with the image of the house in the novel “Melmoth the Wanderer” (1820) by the English writer C.R. Maturin (1780–1824). It analyzes the features of the spatial structure of the novel. The article highlights the features of the Gothic tradition in the description of the Gothic building. It notes the influence of religious themes, as well as aesthetic concepts on the image of the house.

Key words: house, image, literary space, Gothic novel, topos

Художественный образ в литературе играет основополагающую роль, поскольку из образов строится произведение вне зависимости от жанра. Образ, по мнению И.Б. Роднянской, представляет собой всеобщую категорию художественного творчества, а также форму воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов [4: 670].

Готический роман первой трети XIX в. представляет собой жанр, который не только формировал романтическую литературную традицию, но и служил пространством для трансформации традиционных художественных образов. Одним из таких образов стал дом, который в контексте готического романа является местом страха, ужасов и тайн. В готическом романе дом является не только архитектурным строением, которое функционирует как место жительства, но и отражением состояния человеческой души и внутренних конфликтов. В романе Ч.Р. Мэтьюрина (Charles Robert Maturin, 1780–1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820) образ дома подвергается переосмыслению, поскольку

он трансформируется из традиционного готического дома, в котором господствует атмосфера страха и власти, в пространство ужаса и изоляции, характеризующееся хаосом, не имеющим четких границ.

Актуальность данной статьи обусловлена несколькими факторами. В рамках художественной литературы прослеживается возросший интерес к топосу дома как места жительства. В готическом романе дом, замок, поместье, монастырь и т. д. занимает центральное место, в котором разворачиваются события. Вследствие этого возникает необходимость рассмотрения дома не только как жилища аристократической семьи, но и как неустойчивой и динамической структуры, которая характеризуется элементами страха, морали и религии. Анализируя специфику хронотопа в романе Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец», Ю. Афанасьева отмечает, что семейное поместье представляет собой топос, в который эволюционирует родовой готический замок [1: 14]. Исследование образа дома в контексте романа «Мельмот Скиталец» позволяет проследить переосмысление готической традиции в конструировании данного образа. Автор создает художественное пространство, в котором дом перестает быть убежищем и превращается в ловушку или лабиринт, где религиозные стереотипы играют важную роль. Роман Ч.Р. Мэтьюрина занимает особое место в развитии готической литературы, и анализ его пространственной поэтики, в частности в аспекте образа дома, позволяет выявить новые качества готического дома – его функционирование как объекта, отражающего метафорическое разрушение. Цель статьи – рассмотреть образ дома в романе Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» посредством пространственной структуры произведения, готической традиции в описании архитектуры, а также религиозных и эстетических факторов, влияющих на восприятие данного образа.

Ч.Р. Мэтьюрин – английский писатель, автор пьес, романов и рассказов, священник. Религия и церковь сыграли значительную роль и нашли отражение в творчестве писателя. Во-первых, Ч.Р. Мэтьюрин в романе «Мельмот Скиталец» исследует темы страдания, искупления и спасения, что имеет связь с теологией. В предисловии к роману автор пишет, что идея романа была взята из одной из его проповедей[1] (здесь и далее перевод наш. – *Ю.Ш.*). Во-вторых, изобилие ссылок на религиозные тексты и библейские мотивы в романе помогает создать атмосферу мистицизма и напряжения. Ч.Р. Мэтьюрин использует религию не только как фоновую деталь, но и как центральный элемент в развитии сюжета и характеров персонажей. Религиозные мотивы в данном произведении подчеркивают конфликт между светом и тьмой, добром и злом, что является важной темой готической литературы. В этой связи А.В. Варушкина полагает, что роман «Мельмот Скиталец» посвящен морально-философской проблематике [2]. В произведении Ч.Р. Мэтьюрина прослеживаются также аллюзии на произведения готической литературы «Монах» («The Monk», 1796) М.Г. Льюиса (Matthew Gregory Lewis, 1775–1818) и «Итальянец» («The Italian», 1797) А. Радклиф (Ann Radcliffe, 1764–1823), через которые наблюдается влияние как готической традиции, так и религиозных мотивов, что привело к переосмыслению жанровых канонов в данном романе.

«Мельмот Скиталец» Ч.Р. Мэтьюрина получил неоднозначную оценку. Критики обвиняли автора во «вздоре, недостоверности, невежестве, богохульстве и жестокости, а также в мрачной, хладнокровной, педантичной непристойности»[2],

[1] «The hint of this Romance (or Tale) was taken from a passage in one of my Sermons» [8].

[2] «accuses the author of nonsense, want of veracity, ignorance, blasphemy and brutality, and a dark, cold-blooded, pedantic obscenity» [7: 268].

и относились к роману враждебно. Однако У. Экстон называет это произведение «прекраснейшим цветком – последним и величайшим произведением готической литературы»[1]. Полярность мнений свидетельствует о сложной и многогранной природе произведения, которое занимает важное место в готической традиции.

В романе «Мельмот Скиталец» Ч.Р. Мэтьюрин описывает различные художественные пространства, которые выступают как структурные и метафорические элементы повествования. Во вставных новеллах автор создает сложную и многоуровневую пространственную структуру романа. Как отмечает О.В. Лебедева, вставные новеллы создают повышенную сложность и неоднородность пространственно-временнóй организации произведения, что обеспечивает диалогичность пространства и времени [3: 42]. Писатель описывает поместье, старинные замки, монастыри с чуланами и темницами, мрачные руины, которые создают ощущение ужаса, тайны и опасности. Данные художественные пространства представляют собой места, связанные с верой, прошлым и угнетением. Через ряд пространственных топосов в романе реализуется категория дома как центра родового поместья. Автор использует художественные пространства для анализа взаимодействия личности и окружающей среды, что оттеняет ужасы, происходящие в романе, а также для изображения восприятия реальности. Каждый из топосов связан с архетипом дома. Поместье представляет собой центр рода, однако в контексте произведения становится местом отчуждения и одиночества. Старинные замки играют роль символов власти и угрозы, что является чертой готической традиции. Монастырь, несмотря на его религиозное значение, становится пространством мрака, насилия и утраты духовных ценностей. Руины, в свою очередь, фиксируют стадию распада строения, где идея дома как пространства защиты и уюта трансформируется в место пустоты и смерти. В результате создается сложная система художественных пространств, которые отражают человеческий опыт и его интерпретацию в рамках художественного текста.

Основным художественным пространством романа является дом дяди Джона Мельмота. Ч.Р. Мэтьюрин описывает поместье как пространство, где господствует атмосфера уединения и меланхолии. Автор указывает на изменения, произошедшие с поместьем, где величественное и богатое поместье превращается в полуразрушенный дом. Ч.Р. Мэтьюрин акцентирует внимание на архитектурных особенностях, интерьере и окружающей природе, где сочетаются спокойствие и запустение вследствие течения времени. Автор в деталях описывает поместье как внутри, так и снаружи: «Дом отчетливо выделялся даже на фоне темного вечернего неба. Рядом с ним не было ни флигеля, ни других построек. Не было кустарников и деревьев, которые могли бы затенить или смягчить его резкие контуры. Джон, меланхолично взглянув на заросшие травой ступени и заколоченные окна, решил постучать в дверь, но дверной молоток отсутствовал. Зато камней вокруг было предостаточно»[2]. Так, Ч.Р. Мэтьюрин подчеркивает изоляцию, мрачность и зловещую атмосферу дома, что создает ощущение его оторванности от окружающей действительности и возможной опасности. Отсутствие других построек рядом с домом, растительности и природного разнообразия указывает на изолированность данного пространства, что делает его единственным объектом на местности. Архитектурные особенности дома способствуют созданию ощущения

[1] «finest flowering… the last and the greatest expression of the Gothic novel» [5: 12].

[2] «The house itself stood strongly defined even amid the darkness of the evening sky; for there were neither wings, or offices, or shrubbery, or tree, to shade or support it, and soften its strong harsh outline. John, after a melancholy gaze at the grass-grown steps and boarded windows, “addressed himself” to knock at the door; but knocker there was none: loose stones, however, there were in plenty» [8: 8].

запустения, заброшенности и потенциальной опасности. Внешний вид дома усиливает ощущение тревоги и предвкушения перед опасностью, что характерно для английской готической литературы.

С первых страниц романа дом показан через призму воспоминаний Джона. Автор указывает на ужасные впечатления детских лет Джона Мельмота из-за проведенного времени в поместье у дяди. Важную роль играют вещные детали, наполняющие дом: «Ни в коем случае нельзя было нарушать неприкосновенное расположение табакерки, колокольчика и очков. Нельзя было поддаваться соблазну потрогать трость с блестящим золотым набалдашником – это смертный грех. И, наконец, самому прокладывать свой опасный путь от входа в комнату и обратно, не задев груды книг, глобусы, стопки старых газет, подставки для париков и курительных трубок, табакерок…»[1]. В описаниях как старинного поместья, так и вещных деталей присутствует историческая преемственность и оторванность от современности, что подчеркивает роль строения как символа прошлого и постоянных ценностей, имеющих значение для одного человека. Данные характеристики служат фоном для развития событий, а также отражают отношение персонажей ко времени и изменениям. Принцип изображения действительности, которому следует автор, большое число примеров, фактов из прошлого, насыщенность образами и деталями способствуют погружению читателя в готическую атмосферу произведения.

В соответствии с готической традицией, изолирован от окружающей действительности, находясь далеко за городом, его интерьер мрачен и таинствен. Первоначальное восприятие дома как места действия связано с поместьем Мельмота в Ирландии – родовым поместьем, где Джон Мельмот находит таинственный портрет и рукопись, раскрывающие судьбу его предка – Мельмота Скитальца. В первых главах произведения художественное пространство изображается как замкнутое по структуре и оторванное от окружающей действительности.

Дом представлен как традиционное воплощение готического пространства, насыщенного атмосферой тревоги и тайны. Он расположен в изолированной местности, имеет ветхие стены, темные коридоры и комнаты, массивную старинную мебель. Данные элементы соответствуют традиционной готической эстетике последней трети XVIII в. – первой трети XIX в., однако у Ч.Р. Мэтьюрина дом не только становится сценой действия, но и имеет отличительные черты. Одной из таких черт является функционирование дома как психологического отражения внутреннего мира персонажей. Пространство и интерьер дома связаны с темой безумия, страха и религиозных сомнений. В «Мельмоте Скитальце» запустение дома совпадает с гибелью его как культурного института. Эстетика запустения, характерная для готики, у Ч.Р. Метьюрина превращается в дистанцированную реальность. Дом не разрушается – он уже полуразрушен, поскольку структура художественного мира произведения также разрушена и разделена на несколько художественных пространств.

Отличительной чертой готического старинного дома является то, что пространство становится местом не только семейного, но и духовного наследия, так как с самого начала поместье описывается как проклятое, запустевшее и отчужденное. Религиозная проблематика играет центральную роль в интерпретации пространства дома. Дом дяди Джона Мельмота представляет собой **деконструированное христианское пространство**: вместо уюта и спасения он являет собой место стра-

[1] «on no account to disturb the inviolable arrangement of his snuff-box, hand-bell, and spectacles, nor to suffer the glittering of the gold-headed cane to tempt him to the mortal sin of handling it, – and, finally, to pilot himself right through his perilous course in and out of the apartment without striking against the piles of books, globes, old newspapers, wig-blocks, tobacco-pipes, and snuff-cannisters…» [8: 4].

ха, безысходности, сомнений и упадка. Мельмот-старший погружен в фантазии, фобии и далек от Бога, на что указывает его скептицизм, пороки и грехи (скупость). Так, мерцание свечей в доме подчеркивает иллюзорность веры дяди Джона, а запустение строения свидетельствует об **упадке религиозных ценностей и веры.**

Важнейшей вещной деталью романа является таинственный портрет незнакомца: «Повинуясь непреодолимому и мучительному порыву, он приблизился к портрету, поднес к нему свечу и смог разобрать слова на рамке картины: "Джон Мельмот, год 1646". Джон не был ни робким по натуре, ни нервным по складу ума, ни суеверным по привычке, однако он продолжал с ужасом смотреть на эту странную картину, пока, разбуженный кашлем дяди, не поспешил в свою комнату»[1]. При помощи данной детали строится конфликт произведения, поскольку на портрете изображен близкий родственник Джона Мельмота, продавший душу Сатане в обмен на долгую жизнь. Автор пишет об «оживании» данного портрета, что является сверхъестественным элементом повествования, а также указывает на сходство фамильного портрета с Джоном: «Сходство, без сомнения, было достаточно сильным, чтобы поразить его даже в этой темной комнате, но это, без сомнения, было всего лишь сходством»[2]. Мотив таинственного портрета является традиционной чертой готического романа и встречается также в произведениях Х. Уолпола «Замок Отранто», К. Рив «Старый английский барон», А. Радклиф «Итальянец» и «Удольфские тайны», что формирует жанровый канон готического романа.

Ч.Р. Мэтьюрин вводит элемент множественных реальностей, в которых граница между домом как физическим объектом и метафизическим пространством размыта. Тайная комната, в которой хранится портрет Мельмота Скитальца, функционирует как переход к другому пространству, в котором хранится тайна. Так, дом дяди Джона Мельмота является хранителем тайных знаний. Рукопись – важная вещная деталь в повествовании, также представляет собой портал в другой художественный мир, поскольку в рукописи содержится история жизни Мельмота Скитальца. При помощи рукописи автор создает рамочную композицию произведения, а прием «рассказ в рассказе» способствует ретроспективному описанию событий из прошлого.

В доме происходит смерть Мельмота-старшего при странных обстоятельствах. Мужчина умирает от страха, который был вызван необоснованными волнениями перед настоящим и будущим: дядя Мельмот был одержим скупостью, а также верил, что предок с портрета придет к нему. Данная часть сюжета со смертью в «глубоком забытьи»[3] является традиционной для готической литературы.

Дом дяди Джона является также хранителем семейной памяти, связанной с проклятием рода Мельмотов. Его стены «впитали» следы исторической вины, передающейся через поколения. В этом проявляется влияние **историзма**, где частная история становится отражением общественно-религиозного краха. Мельмот Скиталец – фигура, несущая в себе проклятие из-за сделки с Сатаной. Когда Скиталец входит в дом, умирает дядя Джона Мельмота, что является своего рода метафорическим разрушением родового поместья.

---

[1] «From an impulse equally resistless and painful, he approached the portrait, held the candle towards it, and could distinguish the words on the border of the painting, – Jno. Melmoth, anno 1646. John was neither timid by nature, or nervous by constitution, or superstitious from habit, yet he continued to gaze in stupid horror on this singular picture, till, aroused by his uncle's cough, he hurried into his room» [8: 31].

[2] «The likeness was doubtless strong enough to strike him even in that darkened room, but it was doubtless only a likeness» [8: 37].

[3] «a deep stupor» [8: 34].

Ч.Р. Мэтьюрин обращается к описанию природных ландшафтов, которые дополняют образ дома. Важную роль играют описания природы: «Погода была холодная и мрачная. Тяжелые тучи предвещали долгую и тоскливую череду осенних дождей. Облака неслись друг за другом, словно темные знамена приближающегося войска, чей марш несет опустошение»[1]. Автор изображает как увядающую, так и цветущую природу, противопоставляя ужасное и живописное. Стоит отметить, что описания природы в произведении гиперболизированы: ветер – сильный и порывистый, небо – черное и дождливое, сумерки – жуткие и пугающие. Автор использует описания ночи как инструмент создания саспенса и атмосферы страха, а сад рядом с домом называет «садом смерти»[2]. Кроме того, Ч.Р. Мэтьюрин использует звуковые эффекты, которые также основаны на противопоставлении «тихо – громко»: «В доме воцарилась полная тишина»[3]; «Звон колокольчика вызвал большой переполох»[4]. Как отмечает Е. Браковская, «руины и величественный ландшафт в романе Ч.Р. Мэтьюрина “Мельмот Скиталец” служат подлинным маркером столкновения цивилизации с чистотой природы, что являлось одной из приоритетных тем писателя»[5].

Образ дома как один из ключевых образов готической литературы конца XVIII в. – начала XIX в. формирует не только сценическое, но и философское пространство жанра. Дом дяди Джона Мельмота в романе Ч.Р. Мэтьюрина – это не только физическое пространство, а **многозначный образ**, сочетающий в себе элементы готической архитектуры и религиозной рефлексии. Дом у Ч.Р. Метьюрина перестает ассоциироваться с центром рода или наследия, а приобретает черты утраты, изоляции, страха, вины и проклятия, в чем прослеживается трансформация образа дома. Стоит отметить многомерную природу данного художественного пространства, сочетающего в себе традиционные готические характеристики и новаторские интерпретации готической традиции. Дом в произведении выступает как сложный объект, отражающий внутренние конфликты, религиозные сомнения и экзистенциальные страхи персонажей. Автор демонстрирует трансформацию традиционного готического топоса. Дом, утратив привычные функции убежища и порядка, превращается в пространство хаоса, изоляции и духовного разрушения. Религиозные мотивы и аллюзии на библейские сюжеты усиливают мистическую атмосферу и подчеркивают морально-философский контекст произведения. Пространственная поэтика романа включает детализированное описание архитектуры, интерьера и природных особенностей, что формирует сложную систему художественного пространства. Таким образом, дом в «Мельмоте Скитальце» отражает переход от традиционной к современной готике, обозначая новое восприятие художественного пространства как метафоры внутреннего мира и социально-культурных трансформаций через призму религии.

---

[1] «The weather was cold and gloomy; heavy clouds betokened a long and dreary continuance of autumnal rains; cloud after cloud came sweeping on like the dark banners of an approaching host, whose march is for desolation» [8: 51].

[2] «the garden of death» [8: 52].

[3] «The house was now perfectly silent» [8: 33].

[4] «The sound of the bell produced its full effect» [8: 18].

[5] «The ruins and sublime landscape in Maturinís Melmoth the Wandererí function as a genuine marker of the clash between the artificial contracts of civilization and the purity of nature, one of Maturinís favorite themes» [6: 129].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева Ю.* Специфика хронотопа в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот скиталец» // Juventus in litteratura: материалы 76-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ / Редколл. : А.М. Бутырчик [и др.]. Минск: РИВШ, 2019. С.13–17.

2. *Варушкина А.В*. Образ мира и способы его создания в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 24 с.

3. *Лебедева О.В*. Поэтологическая специфика вставной новеллы английского готического романа // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5-2(47). С. 42–43.

4. *Роднянская И.Б.* Образ // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 670.

5. *Axton W.* Introduction to the Charles Maturin's Melmoth the Wanderer. Lincoln: University of Nebraska Press, 1961. 444 p.

6. *Brakovska J.* Natural Landscape and Its Transformation in Charles Robert Maturin's and Joseph Sheridan Le Fanu's Prose // Comparative Studies (1691–5038). 2013. Vol. 5. № 2. P. 129.

7. *Idman N.* Charles Robert Maturin: His Life and Works. Helsingfors: Helsingfors Centraltryckeri, 1923. 325 p.

8. *Maturin C.R.* Melmoth the Wanderer: A Tale. Vol. 1. Edinburgh: Printed for Archibald Constable and Company, and Hurst, Robinson, and co. Cheapside, 1820. 341 p.

REFERENCES

1. Afanasyeva Y. Specificity of the Chronotope in the Novel by Ch.R. Maturin "Melmoth the Wanderer". In: Juventus in litteratura: Proceedings of the 76th scientific conference of students, master's degree students and postgraduate students of BSU / Editorial board: A.M. Butyrchik [et al.]. Minsk. NIHE Publ. 2019, pp. 13–17.

2. Varushkina A.V. (2005) The Image of the World and the Ways of Its Creation in the Novel of C.R. Maturin "Melmoth the Wanderer": Author's abstract. Voronezh. 24 p.

3. Lebedeva O.V. The Specific Character of the Inserted Short Story Poetics of the English Gothic Novel. *International Research Journal*. 2016. No 5-2(47), pp. 42–43.

4. Rodnyanskaya I.B. The Image. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow. Intelvac Publ. 2001, p. 670.

5. Axton W. (1961) Introduction to the Charles Maturin's Melmoth the Wanderer. Lincoln. University of Nebraska Press. 444 p.

6. Brakovska J. Natural Landscape and Its Transformation in Charles Robert Maturin's and Joseph Sheridan Le Fanu's Prose. *Comparative Studies (1691–5038)*. 2013. Vol. 5. No 2, p. 129.

7. Idman N. (1923) Charles Robert Maturin: His Life and Works. Helsingfors. Helsingfors Centraltryckeri. 325 p.

8. Maturin C.R. (1820) Melmoth the Wanderer: A Tale. Vol. 1. Edinburgh. Printed for Archibald Constable and Company, and Hurst, Robinson, and co. Cheapside. 341 p.

Сведения об авторе:

Юлия Дмитриевна Шабуня,
аспирант
кафедра мировой литературы и иностранных языков
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой

Julia D. Shabunya,
Postgraduate Student
Department of World Literature and Foreign Languages
Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk

y.shabunya@psu.by